

**ЛЮДМИЛА
УЛИЦКАЯ**

РУССКОЕ
ВАРЕНЬЕ

Русское варенье и другое (пьесы)

Людмила Улицкая

Русское варенье

«Издательство АСТ»

2008

Улицкая Л. Е.

Русское варенье / Л. Е. Улицкая — «Издательство АСТ»,
2008 — (Русское варенье и другое (пьесы))

© Улицкая Л. Е., 2008

© Издательство АСТ, 2008

Содержание

Действующие лица	5
Действие первое	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Людмила Улицкая

Русское варенье

пьеса в трех действиях без антрактов

Действующие лица

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ ЛЕПЕХИН (Дюдя), 67 лет, пенсионер, профессор математики

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА, его сестра, 60 лет

РОСТИСЛАВ, 40 лет, старший сын Натальи Ивановны
ВАРВАРА (Вава), 32 года, старшая дочь Натальи Ивановны

ЕЛЕНА (Леля), 30 лет, средняя дочь Натальи Ивановны

ЛИЗА, 19 лет, младшая дочь Натальи Ивановны

АЛЛА, Наталья Ивановна. она же Евдокия Калугина, 39 лет, жена Ростислава

КОНСТАНТИН, 30 лет, муж Елены

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА (Маканя), 60 лет, сестра покойного мужа Натальи Ивановны, домоправительница и приживалка

СЕМЕН ЗОЛОТЫЕ РУКИ, 40 лет, простой человек

Действие происходит в 2002 году, в дачном академическом поселке. Теперь здесь живут Андрей Иванович (дядя Дюдя), Наталья Ивановна и ее три дочери, а также муж средней дочери Константин. Дача получена в наследство от академика Ивана Лепехина, отца Натальи Ивановны и Андрея Ивановича. Ведет хозяйство Мария Яковлевна, сестра покойного мужа Натальи Ивановны. Наталья Ивановна исполняет большой заказ – перевод на английский язык многотомника современной русской писательницы Евдокии Калугиной, жены Ростислава.

У спектакля разнообразная и сложная звуковая партитура, которая в идеале доходит до симфонизма. Составляющие партитуры – треск пишущей машинки, на которой печатает Наталья Ивановна, компьютерная музыка, производимая Константином, а впоследствии, когда компьютер окончательно ломается, грохот ударной установки, подозрительный скрип раскладушки, временами доходящий до неприличия, мяуканье кошки, которая жаждет любви, вибрация отбойного молотка, дребезг разбиваемой посуды и прочие шумы домашнего обихода – спускаемой воды в туалете, падения предметов, колокольный звон из близлежащего монастыря, звонки телефонов – главным образом, Лизино мобильного и, наконец, визг тормозов и рев бульдозеров. Естественно, все эти шумы не заглушают речи.

Свет в спектакле разнообразен: от обычного электрического освещения до света свечей и фонариков. В последней сцене возможен цветовой удар, как в современной дискотеке.

Действие первое

Гостиная на старой запущенной даче. Несколько дверей, лестница в мезонин. Ночь. Детали не видны, но когда свет загорится, обнаружится запустение. От витражных окон террасы почти ничего не осталось – кое-где они забиты досками, кое-где заклеены пластиковой пленкой. Буфет. Стол. Книжный шкаф. Стол с компьютером. Пианино. Кресло-качалка. Швейная машинка – старинная. Время от времени раздается мяуканье неудовлетворенной кошки. На стене – портрет Чехова. Пока ничего этого не видно. Долгая темнота, в которой возникает Андрей Иванович в халате со свечой. Андрей Иванович похож скорее на пожилого киноактера – может быть, на Марчелло Мastroяни, – чем на профессора. Подходит к буфету, открывает дверцу, наливает из графина в рюмку. Раздается журчание спускаемой воды в уборной. Андрей Иванович замирает. Слышны чьи-то шаги.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ваше здоровье, Андрей Иваныч! (*Торопливо выпивает. Распахнутая дверца буфета отваливается, падает, разбивая графин.*) Черт подери!

Входит Наталья Ивановна, в халате, со свечой.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Дюдя! Что ты разбил?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Да чертова эта дверка! Опять отвалилась! Надо позвать в конце концов человека...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА (*поднимает большой осколок*). Ой! Папин графинчик! Дюдя! Это был последний папин графин! Разбился...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Наток, ну что же теперь делать? Ну, разбился... Прости... Опять почему-то нет электричества... Надо позвать электрика...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Не надо по ночам пить водку...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ну вот, уже и водка виновата... Ты пригласи этого вашего Семена Золотые Руки, пусть починит...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА (*садится, закрыв лицо руками*). Почему я? Почему обо всем должна я? Господи, если бы ты знал, как я устала. Всю жизнь я работаю, как ломовая лошадь. Не покладая рук. С семнадцати лет, без единого дня отдыха... Бедный графинчик...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Наток, ну не расстраивайся... Черт с ним, с этим графином...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Да причем тут графин! Жизнь пропала! Лучшие годы!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ну что ты так убиваешься... Давай лучше по рюмочке, а? Поищем... Где-нибудь есть... рюмочка...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА (*разглядывает осколок*). Нет, не папин, это еще дедушкин графинчик. Почему надо по ночам пить эти твои рюмочки? С утра до ночи не отхожу от пишущей машинки... Пропускаю через себя, через свою душу это мочало...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Видишь, кому что... А моя душа просит рюмочки... Не стакана даже...

Андрей Иванович нагибается, чтобы поднять осколки графина.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Осторожно! Стекло! Не трогай, ради Бога! Ты порежешься. Завтра дадут электричество, и девочки все соберут.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ой! (*Облизывает палец.*)

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА Ну вот, порезался! Что я говорила! У меня бессонница. У меня давление... Господи, как я устала! Уже три часа ночи. Я не могу заснуть. Ночь пропала... Все пропало. Молодость пропала!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ (*сосет палец*). Если ты так будешь ныть, то и старость пропадет...

Наталья Ивановна направляется к столу.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Осторожно! Доска!

Наталья Ивановна делает зигзаг, обходя опасное место.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Здесь же всегда стоял перевернутый стул. Кто его убрал?

Садится. Опускает лицо в ладони. Андрей Иванович подходит к ней, гладит по плечу.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Наток! Не надо... Ты наша крепость. На тебе все держится. Возьми себя в руки.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Прости, Дюдя! Минута слабости... Но ты ведь старший... Старший брат. Кому еще я могу пожаловаться? Подумай, еще недавно мы были дети, бегали в саду. Качались на качелях. Помнишь, ты меня раскачал так, что качели «солнышко» сделали...

Раздается ритмичный скрип раскладушки и стоны.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Конечно, помню. На них потом еще твои дети качались.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Слева от дома стояли. Во время войны левую часть дома разрушило. Прямое попадание. А правая сохранилась. Все соседи говорили, что надо все снести и заново строить. А отец сказал твердо: «Нет – все, что сохранилось, будем и дальше сохранять. Этот дом моим отцом построен, и не мне его сносить».

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Неужели ты помнишь?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Мама рассказывала. Весь академический поселок тогда заново строился, даже те, у кого дома уцелели... Пленные немцы строили. А отец не захотел...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Да-да, точно. Он все тогда восстановил – и оранжерею, и теплицу...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Папа был святой человек.

В своем роде... Графинчика жалко.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ну, опять... Пошло-поехало...

Скрип раскладушки затихает, раздаются шаги, потом рев воды в уборной. Снова шаги.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Ладно, друг мой. Попробую заснуть. Ты осколки не собирай. Поставь там стул, чтобы никто в темноте не наступил. А то Лизик постоянно босиком...

Наталья Ивановна целует брата, уходит. Он осторожно шарит в глубине буфета, находит, раздается бульканье. Андрей Иванович тихонько выпивает. Потом переворачивает стул и ставит его вверх ножками около буфета. Неожиданно включается электричество. Дом ярко освещается.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Здрасьте! Среди ночи свет дали. Меня как будто покачивает...

Из уборной выходит Мария Яковлевна в шали поверх халата.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Доброе утро, Андрей Иванович. Кажется, опять засор... Что-то вода плохо сходит. Хорошо хоть электричество дали...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Доброе утро, Мария Яковлевна... Хотя я еще не ложился. Так что у меня скорее вечер. Я здесь графинчик раскокал. Скажите, пожалуйста, девочкам, чтобы они осколки с полу подобрали.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Лизочка обещала привезти сотню яиц. И представьте, ни Лизочки, ни яиц.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Зачем вам сотня?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Как зачем? Пасха! Куличи печь...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ (*вздыхает*). Недавно Рождество было, а уже Пасха...

Мария Яковлевна берет веник, собирает осколки и метет. Слышно, как подъехала машина. Андрей Иванович смотрит в темное окно.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. А мелкие без очков не собрать. Где мои очки?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Лизкина «Ока»! Приехала!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Какой-то кошмар! Девочке девятнадцать лет, разъезжает на машине, одна, среди ночи. Какая-то безумная жизнь... Был бы жив брат Николай, ни за что не допустил бы...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Да, и самое плохое то, что одна...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Этого я не понимаю – купить машину ребенку!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ростислав купил. Он щедрый, широкий человек. И Лизка у него любимая сестра...

Открывается дверь, входит толстая некрасивая девушка, выкрашенная в сине-зеленый цвет (а, может, пострижена наголо), одета в стиле «панк». Прижимает к груди четыре картонки с яйцами.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Лизик! Ну что же ты так поздно!

ЛИЗА. Машина сломалась на дороге. Маканя, почему ты меня не хвалишь? Я привезла тебе сотню яиц!

Лиза идет по опасному месту.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ, МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА (*хором*): Осторожно! Доска!

Доска проваливается, Лиза спотыкается и роняет яйца.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Кто убрал стул? Здесь всегда стоял стул! Андрей Иваныч, это, конечно, вы переставили!

ЛИЗА. Oh shit! Все переколотила...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ой, какая досада! А ты-то – не ушиблась, деточка?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Лизочка, по-моему, ты немножечко... а?

ЛИЗА. Дюдя! Как ты мог подумать? (*Хихикает.*)

Мария Яковлевна встает на колени, разбирает картонки с битыми яйцами.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ничего страшного. Мы сейчас все соберем! И не все побились! Целые покрасим. А на кулич и на пасху совершенно неважно, что битые... Лизочка, принеси мне с кухни мисочку! Очки... я куда-то очки задевала...

Лиза идет на кухню зигзагами.

ЛИЗА. Выбить четыре дюжины яиц, добавить четыре стакана самого мелкого сахарного песка, растереть деревянной ложкой добела. Вылить смесь в опару и добавить пять фунтов самого лучшего чухонского масла...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ай, племянница! Прелесть моя! Давай в головку поцелую...

Лиза возвращается с миской, дает ее Марии Яковлевне.

Мария Яковлевна руками собирает с полу яичный бой.

Берет стул, переворачивает ножками вверх и ставит туда, где поблескивают остатки битых яиц.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Осторожно, здесь скользко.

Я пока стул сюда поставлю, чтоб не наступали.

Лиза вынимает из сумки плитку шоколада, ест.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Лизочка! Воздержись!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Маканя! А вам не кажется, что это как-то негигиенично... с полу...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Да что же я, сотню яиц собакам отдам? Причем тут гигиена? Тепловая обработка, во-первых... Во-вторых, куличи Вава все равно в церкви освящает... Так что будет все очень диетическое...

ЛИЗА. ...и месить, и месить, и месить до... пока у Елены Молоховец яйца не посинеют... Shit!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Лиза!

Звонит Лизин мобильный телефон, она вытаскивает его из сумки и поднимается по лестнице в мезонин. Новый приступ кошачьего мяуканья.

ЛИЗА (*в телефон*). Как хорошо, что ты позвонил! Я одна, совершенно одна... У тебя такой голос... возбуждающий...

Мария Яковлевна провожает взглядом Лизу.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Мое сердце подсказывает, что у Лизика завязался роман...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Гм... возможно...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Женщины в нашей семье всегда выходят замуж очень рано. В восемнадцать лет, по первой любви. Наша бабушка, и мама, и Лелечка...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. ...Которые выходят...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Что вы имеете в виду?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ничего особенного... просто некоторые вообще не выходят...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Я, собственно, имею в виду нашу семью, Дворянкиных. Лепехиных больше нет... Фамилия закончилась на вас, Андрей Иванович. И Граевских больше нет. А ваш единственный наследник Ростислав – ваш племянник, между прочим, – носит фамилию моего покойного брата Николая Дворянкина!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ (*зевает*). Пойду-ка я, пожалуй, спать. Слишком поздно для геральдических изысканий... Слишком поздно. А почему кошка все время орет?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ой, Мурка с вечера влезла на дерево и орет. Видимо, женихов призывает.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. А-а... понятно...

Раздается отдаленный благовест, в гостиную входит Варвара в черном головном платке. В руках у нее цепочка от унитаза с фарфоровой грушей на конце.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Доброе утро, Вавочка. Осторожнее, там осколки. Я потом подберу...

ВАРВАРА. Ты посмотри! Опять цепочка оторвалась! Он же на прошлой неделе чинил! Что за свинство, в конце концов! Дом разваливается, всем наплевать...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Спокойной ночи! (*Уходит.*)

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ну что можно поделать? Я дала Семену десять долларов на прошлой неделе. Чайник поставить?

ВАРВАРА (*бросает цепочку на стол, поправляет платок*). Какой чай? Я в церковь. Ты позови этого Семена, пускай сделает по-человечески.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. По-человечески нельзя.

Он мне объяснял. Там надо что-то менять, муфту, кажется, и какую-то особую, теперь таких не производят... И трубы... Он сказал, что засор капитальный, это не только у нас, это по всему поселку канализация выходит из строя, так что надо пользоваться уборной во дворе...

ВАРВАРА. Какой еще уборной во дворе?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Позади оранжереи маленький домик. Там была уборная для рабочих, когда дачу строили...

ВАРВАРА. А-а... Там же двери нет!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Нуда...

ВАРВАРА. О Господи... (*Накидывает пальто.*) Я пошла... К обеду не ждите. Я в монастыре с сестрами пообедаю...

Хлопает дверью – электричество гаснет. Уже рассвело. Мария Яковлевна переворачивает стул и ставит его на опасное место ножками вверх. Теперь имеется три перевернутых стула, остальные девять вокруг большого стола. Раздается треск пишущей машинки, потом на этом фоне шаги, хлопанье дверями. Входит красавица Елена (Леля) в ночной рубашке. В руках у нее пульверизатор с духами, она прыскает себе на руки, нюхает.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Эту доску действительно пора заменить. Скоро будет дыра посреди комнаты.

ЕЛЕНА. Маканя! В уборной нет этой штуки. Куда она делась?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Доброе утро, деточка. Вот она, на столе лежит.

ЕЛЕНА. Зачем на столе?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Оторвалась. И там вообще, кажется, опять засор. Вода плохо сходит. Позвони, пожалуйста, Семену, пусть починит.

Мария Яковлевна берет кастрюлю, наливает воду, уходит. В уборной сливают воду. Мария Яковлевна возвращается. Елена звонит по телефону – аппарат послевоенных времен.

ЕЛЕНА. Контора? Семен на месте? Хорошо, найду...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА (*берет стул*). Я пока поставлю возле уборной, чтоб не пользовались.

Елена накидывает шубу на ночную рубашку, сует ноги в валенки.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Леля! Ты сошла с ума? Куда ты?

ЕЛЕНА. В контору. Семена приведу...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ты что, в контору в таком виде пойдешь? Ты же простудишься. Ноль градусов!

ЕЛЕНА. Не зудит, Маканя. (*Уходит.*)

К треску пишущей машинки присоединяется кошачье мяуканье. Мария Яковлевна трет виски. Трясет головой.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Видимо, давление...

Открывает большой старый холодильник, что-то достает, что-то туда засовывает. Бормочет. Треск машинки обрывается. Входит Наталья Ивановна.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Доброе утро, Мария Яковлевна.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Доброе утро, Наталья Ивановна.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Вы еще не варили кофе?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Сейчас сварю...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА (*садится*). Спасибо. Опять почти не спала. Я иногда завидую простым людям, у которых простая физическая работа. Рабочие, должно быть, спят крепко...

Мария Яковлевна хватается за виски.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. А вы не чувствуете, Наталья Ивановна, как будто немного трясет... Вибрация какая-то...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Нет, не чувствую... А сливки есть?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Определенно какая-то вибрация. Как это вы не чувствуете?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Так о чем я... Да, рабочие, должно быть, спят крепко.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Молочница вчера приходила. Мы ей уже сорок долларов должны.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Валентина Никитична? Так отдайте ей. И почему молочнице нужны доллары? Впрочем, она милая старушка. Отдайте ей ее доллары...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Наталья Ивановна! Валентина Никитична, милая старушка, восемь лет как умерла. Давно уже другая молочница ходит. Расходы были большие на этой неделе. И все деньги вышли.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Какие такие особенные расходы? Живем, как всегда жили...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Вы мне не доверяете? Я говорю – большие расходы! Три тысячи рублей в контору отдала за общую охрану – раз! Закупки для Пасхи делала – два! Я купила себе новые галоши. Да! Неужели я не заслужила за тридцать лет жизни в вашем доме новых галош?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Маканя, помилуйте! Что вы такое несете? Какие галоши? Просто пятьсот долларов в неделю на хозяйство – большая сумма. Мне кажется...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Когда-то и пятьдесят рублей была большая сумма! У меня в пятьдесят девятом году в профсоюзах зарплата была триста семьдесят пять рублей, а потом стала тридцать семь рублей пятьдесят копеек, и хватало!.. Большая сумма!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Конечно, это были другие деньги. Папа получил Сталинскую премию, и ему тогда дали сто тысяч! И это были о-го-го какие деньги!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА: А пятьсот долларов в неделю на нашу семью... поверьте, я на всем экономлю! Килограмм кофе в зернах стоит двести рублей, у нас выходит два килограмма в неделю одного только кофе... А я пью чай!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Да полноте! Меня вовсе это не интересует...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. А меня интересует! Потому что я тридцать лет с вами живу ради моего брата! Уже пятнадцать лет, как он ушел от нас, а я все живу с вами... в память Николая... Потому что в доме никто, буквально ни один человек не знает, сколько стоит килограмм кофе! Я стала домработницей! Я потеряла профессию, я не выслужила пенсию... всю жизнь я служу вашей семье, и вы мне говорите, что сумма большая... У меня есть записи... Все расходы... *(Вскакивает.)* Ой, кофе убежал! *(Ставит кофейник на стол.)* Пожалуйста! Кофе. Пожалуйста! Сливки! *(Плачет.)*

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Боже мой, Маканя! Умоляю вас! Какие записи? Как вы можете произносить такие ужасные слова? При чем тут домработница? Мы всегда держали домработницу, пока вас не было! Вы же сами так решили! Вы меня совершенно неправильно поняли. Простите меня, я вовсе не хотела... и в мыслях не держала вас обидеть.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Покойный брат Николай... пригласил меня... я дала ему слово, что...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Мария Яковлевна! Простите, если я вас обидела. Я устала смертельно.

Я спала сегодня два часа, и я работаю... я единственная, кто в нашей семье работает.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Вот, вот, вот именно! А я что, не работаю?

Далее женщины говорят одновременно.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Я перевожу как машина... Сотни книг, сотни! Я переводила с французского, с итальянского, даже с испанского, которого совершенно не знала! Спасибо, Дюдя помогал! Я переводила детективы, справочники, учебники, пособия, инструкции, при-

ложения, положения... А теперь я вынуждена переводить на английский! Вы думаете, это просто? Я всегда содержала семью! И при покойном Николае содержала!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ростик первый год болел животом, а у Лели был диатез... То в черед, то в ромашке... Бутылочки я всегда стерилизовала! И пеленки с двух сторон... Хорошо еще, были продуктовые заказы у брата Николая в Институте марксизма-ленинизма...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Еще студенткой я давала уроки! всю жизнь частные уроки!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. В закрытом распределителе...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Я не успевала выучить язык и уже давала уроки! Три рубля в час! В будние дни по вечерам, а в воскресенье с утра до вечера!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА...прекрасные были продукты... Сырокопченая колбаса, осетрина, шоколад «Красный Октябрь»... А какие ангины были у Вавочки! А Лизочкины запоры! Она же по пять дней не садилась на горшок! Какие деньги?

Пауза. Диалог продолжается.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Маканя! С вами невозможно разговаривать! Никакой логики. Я о деньгах вообще ни слова не говорила. Я говорю только о работе. В нашей семье никого никогда деньги не интересовали!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Брата Николая действительно деньги не интересовали! Он писал исследования о Марксе, об Энгельсе, о Лассале, о Каутском... И куда теперь все? Пропало! И ни наград, ни премий! Все ради блага страны!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Когда папа получил Сталинскую премию, он даже не знал, что за нее полагается сто тысяч рублей! Потому что Лепехины всегда были работники – отец, дед, прадед! Все трудились от зари до зари. А теперь... я живу в семье, где никто не хочет трудиться. Один Ростислав трудится. А девочки... Одна молится, вторая принимает позы... А Лизочка совсем не занимается... Как она сессию сдаст?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ну и что, молится? Не пьет, не курит! Может, она верующая, чего ж ей не помолиться? Хотя я лично этого не понимаю. А вот брат Николай... не знаю, как бы он это пережил. А Леля ищет работу! Хорошая работа на дороге не валяется! Не на телеграф же ей идти с тремя языками?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Кофе остыл...

Мария Яковлевна снова ставит кофейник на огонь.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Я что скажу? Брат Николай преподавал диалектический материализм и всегда говорил, что диалектика – мать всех наук! А диалектика в том и заключается, что все в развитии... что вчера было хорошо, то сегодня плохо... Что сегодня хорошо, завтра опять плохо... Все в развитии... Все хуже и хуже... Кофе убежал! Но не весь!

Мария Яковлевна наливает кофе и ставит чашку перед Натальей Ивановной. Обе устали – заряд кончился. Пауза.

Обе пьют кофе.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. А Лиза все-таки очень мало работает... Когда я училась в университете, буквально от стола не отходила.

Входит Константин. Кивает. Пьет воду из-под крана.

Зажигает свет. Открывает холодильник.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Осторожно с дверкой! Она плохо захлопывается!

Константин достает круг колбасы, отрезает от него кусок, потом с грохотом захлопывает холодильник. Жуя, подходит к компьютеру, садится, надевает наушники.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Не здороваются.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Не обращайтесь внимания.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Не могу привыкнуть.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. За восемь лет могли бы и привыкнуть.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Чего Леля в нем нашла?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. И за восемь лет ни одного дня не работал. Музыкант!

Константин снимает наушники, звучит агрессивная барабанная атака. Наталья Ивановна и Мария Яковлевна продолжают говорить, их не слышно. Они как будто примираются. Наталья Ивановна встает из-за стола, они обнимаются, целуются. В этот миг гаснет свет. Музыка обрывается.

КОНСТАНТИН. Гвоздец!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА, МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА (*хором, укоризненно*). Константин!

Наталья Ивановна уходит. Открывается дверь – Елена и Семен с вантузом. Слышен благовест.

КОНСТАНТИН. Все пропало! Опять!

ЕЛЕНА. Не убивайся так, Костик! Еще не все... Вот, Маканя, привела к тебе Семена. Там в конторе на него очередь стоит!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Спасибо, Семен. Мы вам очень благодарны. Не знаю, что бы мы без вас делали!

КОНСТАНТИН. Проклятое электричество...

СЕМЕН. Что всегда, то бы и делали... Восемь заявочек с утра, это точно. Но я говорю – Лепехины у меня в первую голову. Всем говорю. Ну, чего там? (*Подходит к уборной.*) Ой-ей-ей!

Бульканье, звяканье инструментов, пробивается стрекот пишущей машинки, трели мобильного телефона. Звонит и второй телефон – городской. Елена снимает трубку.

ЕЛЕНА. Да, привет, Сонечка! Нет, мы в городе давно не живем. Городская квартира сдана. Да, англичанин живет. Нет, совершенно не милый. Крыса старая. Чем-то торгует. Нет, нет. Этим Ростислав занимается. Это какой-то его знакомый, братец нам жилья нашел. Спасибо, Сонечка. Нет, испанского я не знаю. Нет, я бы с итальянским не хотела, ну, я забыла уже. С французским – пожалуйста. Можно английский. Сколько? Ты смеешься? Каждый день отсюда тащиться в город за такие деньги? Ну, спасибо, конечно, что вспомнила, но это просто никакое предложение. Совсем никакое... Пока. Спасибо, что позвонила. (*Марии Яковлевне*) Работу предложили. За пятьсот долларов сидеть в конторе пять дней в неделю с десяти до шести... Перекладывать бумажки и отвечать на телефонные звонки...

Елена вынимает пульверизатор с духами, брызгает на руки, нюхает. Константин принимает позу дерева и замирает.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ты отказалась?

ЕЛЕНА. Угу... Вообще-то им нужен итальянский и испанский...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Странно. Испанский – совсем уж лишний язык.

ЕЛЕНА. У нас только Дюдя знает испанский. И мама немного. Да хоть бы и знала – не за пятьсот же долларов...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Наверное, ты права... Когда я работала в профсоюзах, давали контрамарки в театр, бесплатные путевки...

ЕЛЕНА. Труд без поэзии, без мысли... Ужасно надоела эта проклятая дачная жизнь. Здесь на работу невозможно устроиться... Пора кончать.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ты хочешь, чтобы мы опять переехали в Москву?

ЕЛЕНА. Нет. В Москву не хочу. Я хочу в Париж...

КОНСТАНТИН (*не меняя позы*). В Китай... Или в Индию...

По лестнице спускается Лиза с мобильным телефоном в одной руке и плиткой шоколада в другой.

ЛИЗА. Париж – грязный вонючий город! Весь в собачьем дерьме. Французы твои – надутые скупердяи... И Париж твой – дешевка и показуха... Самый фальшивый город на свете. (*Набирает номер.*) Вера? Новый оператор? Хорошо. Восемнадцать двадцать два. Ближайшие два часа не соединяйте. Нет, только кредитные карточки.

ЕЛЕНА. То ли дело твой Амстердам, да?

ЛИЗА. Да уж конечно, Амстердам повыше стоит... дерьмового твоего Парижа...

КОНСТАНТИН (*все еще в позе дерева*). В Индию! Всем надо в Индию! В ашрам!

МАРИЯ Яковлевна (*замечает шоколад*). Лизочка, воздержись!

Раздается грохот, появляется Семен с разбитым бачком. Мария Яковлевна отрывается от огромной миски, в которой что-то размешивает. Снова включается электричество. Константин надевает наушники, кивает в такт неслышимой музыке. Потом, не снимая наушников, идет к холодильнику, снова достает круг колбасы, отрезает большой кусок, жует. Садится за свой стол.

СЕМЕН. А по мне, Франкфурт всего лучше. Я там три года на заработках был... Вообще-то за границей давно уже все в полной комплекции... В Германии с питанием лучше всего мне понравилось. Да и климата нашего не могу одобрить... Конец апреля, а холод собачий... А у них там все цветет, пахнет... тьфу! (*Ставит на стол две половины сломанного бачка.*) Все, Мария Яковлевна! Гвоздец!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА ЛИЗА, ЕЛЕНА (*хором*). Семен!

Лиза принимает миску из теткиных рук и начинает месить. Пробует тесто.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. По часовой стрелке...

СЕМЕН. Конец пришел, говорю. Всему приходит конец. Все сгнило. Вентиль не работает, проржавел. Я заглушку поставил.

ЛИЗА. А если против часовой, тогда что? (*Месит против часовой стрелки.*)

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА И течь больше не будет?

СЕМЕН. Да чему ж течь? Вы прям как дитя. Я ж говорю, воду перекрыл. Если в кране нет воды, воду выпили жида.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Семен! Что вы говорите? При чем тут жида?

СЕМЕН. Десять долларов с вас, Мария Яковлевна.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. За что, Семен?

СЕМЕН. За демонтаж оборудования.

ЛИЗА (*облизывает ложку*). Тесто вкусное... Мне вообще сырое тесто больше печеного нравится.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Но вы же на прошлой неделе взяли десять долларов за починку!

СЕМЕН. Так я ж вам говорил – чинить не имеет смысла.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. А что же делать?

СЕМЕН. Что делать, что делать... Продавать эту дачу надо. Сгнила вся. Вон, Левинсоны продали. И академик Тришкин.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Тришкин – это такой высокий, на том краю? (*Показывает.*)

СЕМЕН. Нет, маленький, на том краю (*показывает в противоположную сторону*). Это который свой гектар нарезал на участки по шесть соток, а только дорожку к своей двери оставил.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Куда же очки задевались?

Елена встает и направляется к себе.

СЕМЕН (*почти кричит*). Лель, ты говорила, там окно у тебя не закрывается... Могу посмотреть.

ЕЛЕНА. Какой ты резвый, Семен!

Поднимаются по лестнице. Слышны несколько ударов молотка. Новый яростный вопль кошки.

ЛИЗА А. И чего она так убивается?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Надо ему сказать, чтобы он сделал дверь.

ЛИЗА. Какую дверь, Маканя?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Дверь в уборную. Во дворе.

ЛИЗА. А вы отсюда снимите и туда навесьте. Я говорю, чего Мурка так орет? А завтракать сегодня будем?

Вынимает плитку, но не успевает ее распечатать.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Лиза! Воздержись! Скоро будем завтракать. Все куда-то разбрелись...

ЛИЗА (*выглядывает в окно*). Бедная кошка! Сидит на дереве, одна-одинешенька. Мне кажется, она просто залезть залезла, а слезть сама не может.

Константин идет в неработающую уборную, забирает оттуда два рулона туалетной бумаги и выходит во двор, продолжая жевать колбасу. Лиза ест ложкой тесто из миски. Мария Яковлевна в задумчивости грызет яблоко. Лиза ставит чайник на плиту.

ЛИЗА (*вслед Константинову*). Костя, сними Мурку с дерева, а?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Надо кому-то пойти за творогом...

Лиза молчит.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. На сырную пасху надо три килограмма творогу...

ЛИЗА. Я чайник кипячу.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. В такие дни обычно быстро разбирают...

ЛИЗА. Я привезла яйца. Я свой вклад яйцами вложила... (*Кудахчет, изображая курицу.*)

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА Лизик, у тебя просто талант! Ты могла бы стать актрисой, ей-богу...

Продолжая квохтать, Лиза ковыряется рукой под юбкой и вытаскивает оттуда яйцо. В кухню входит Андрей Иванович. Треск пишущей машинки.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ну ты как всегда валяешь дурака, племянница?

ЛИЗА. Нет. Я как раз не валяю дурака. Я на полном серьезе.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Н-да... Русский человек любит прикидываться дурачком...

ЛИЗА. Вон Варвара из церкви идет...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. А как насчет завтрака?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Восемь фунтов – это три килограмма творогу, и два фунта сметаны – это восемьсот грамм, и два фунта сливочного масла...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Я пройду перед завтраком...

Снимает с вешалки старый плащ, шляпу, медленно одевается. В дверях сталкивается с Варварой.

ВАРВАРА. Добрые люди уже отобедали, а у нас еще завтрак не подавали...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Вавочка, не сходишь ли в магазин за творогом...

ВАРВАРА. Нет, Маканя. Мне надо отдохнуть, я пять часов в церкви отстояла. Сегодня Страстной Четверг.

Треск пишущей машинки замирает. Одновременно появляются Наталья Ивановна и Семен.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Что, обед еще не готов?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Еще завтрак не готов.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. А-а... (*Уходит.*)

СЕМЕН (*Андрею Ивановичу*). Хотел я вам сказать, Андрей Иванович... тут дела такие разворачиваются... Слыхали?

Вместе уходят. Варвара наливает кипяток из чайника в стакан.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Вавочка, ты там ходи осторожно. Там на полу осколки...

Варвара присаживается к краю стола.

Ты такая бледная, Вавочка? Ты неважно себя чувствуешь?

ВАРВАРА. Ты единственный человек в нашей семье, с кем можно разговаривать.

ЛИЗА. А я? Очень многие люди, особенно мужского пола, обожают со мной разговаривать...

ВАРВАРА. Оставь свою клоунаду, Лиза.

Звонит мобильный телефон.

ЛИЗА. Вот видишь – особи мужского пола обожают со мной разговаривать. (*Включает телефон и прижимает к уху, мурлычет протяжно.*) Алле-е... Я рада, что ты мне позвонил... У тебя такой приятный голос... А мой голос тебе нравится, правда ведь? (*Поднимается по лестнице.*)

ВАРВАРА. Маканя, я больше не могу здесь жить. Все.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Вавочка, ну что же делать? Московская квартира сдана, и если мы переедем в город, нам совершенно нечем будет жить...
ВАРВАРА. В Москве вообще невозможно жить... Ты помнишь, какая прелесть была наша Старая Басманная? Во дворе огромные липы... А теперь из одного окна стройка, из другого этот кошмарный дом с новыми русскими... Нет. Я бы поехала куда-нибудь в провинцию, в старый русский город... Где люди неиспорченные... куда не добралась вся эта мерзость...

Гаснет свет. Константин вскакивает, срывает наушники.

КОНСТАНТИН. Гвоздец!

ВАРВАРА, МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА (*хором*). Константин!

КОНСТАНТИН. Опять вырубили! Все пропало! Опять!

МАРИЯ Яковлевна (*щелкает несколько раз выключателем*). Действительно... Выключили...

КОНСТАНТИН. Все пропало! Три часа работы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.